

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ДОБРОВОЛЬЦЫ В СРАЖЕНИИ ПРИ ЗБОРОВЕ (2 ИЮЛЯ 1917 Г.): ЗАРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАДИЦИИ

Статья посвящена участию чехословацких добровольцев в составе русской армии в сражении при Зборове 2 июля 1917 г. – первом в XX веке сражении чехословацких войск как самостоятельной боевой единицы, претендующей на роль ядра армии будущего независимого чехословацкого государства. Анализируются не только особенности и характер сражения, но и отмечается высокое идеологическое и морально-пропагандистское значение битвы. В отечественной литературе подробное обращение к истории сражения ранее не предпринималось.

Ключевые слова:

добровольцы, летнее наступление 1917 г., Т.Г. Масарик, Первая мировая война, сражение при Зборове.

В данной статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка проанализировать явление иностранного славянского добровольчества в русской армии с точки зрения войны идей: идеи славянского единства против идеи многонациональной империи.

Значение для чехословацких добровольческих формирований событий, происшедших 2 июля 1917 г. в районе маленького украинского городка Зборов, трудно переоценить, хотя первый взгляд на них производит впечатление несопоставимости масштаба крохотного боя местного значения и грандиозных сражений Вердена и Марны, Изонцо и Арраса, Карпат и Восточной Пруссии. Однако несколько тысяч героев локального эпизода в считанные дни обратились в живое воплощение национальной легенды. Задавшийся таким же вопросом проницательный наблюдатель К. Чапек отвечал на него так: «Полагаю, что тому есть две причины: первая, что сражение при Зборове – это первое самостоятельное участие чешских войск в войне, а вторая – то, что этот бой, это дело невозможно изолировать от плотной и сложной сети событий, сложенных из бесчисленных, более или менее безымянных подвигов, изобретательности, инициативы и организации» [5; с. 11].

Война за свой народ против своего государства, символом которой в итоге стало сражение у Зборова, превратилась в неотъемлемый элемент трансформации традиции национального добровольчества в национально-революционную традицию. Созданные во имя идеи славянского единства вооруженные формирования стали ядром национальных армий еще не существующих на карте государств. Поль-

ские, чехословацкие и югославянские добровольцы, подчас даже незаметно для себя, становились революционерами.

С 20-х чисел июня 1917 г. географическим центром концентрации Чешской бригады в составе Юго-Западного фронта стала Езерна. Штабы частей расположились вокруг этого небольшого населенного пункта: штаб бригады – в Красном, 1-го полка – в Цецове, 2-го – в Хорошицах, а 3-го – в самой Езерне. На 22 июня 1917 г. численность полков оценивалась, соответственно, в 2 379, 2 356 и 1 552 человека. Командующий 49-м армейским корпусом генерал Селивачев выделил бригаде 6-километровый участок фронта юго-западнее Зборова между деревнями Погребец и Йозефовка [3; с. 60]. Находившийся в это время в бригаде будущий президент Чехословакии Л. Свобода вспоминал, каким контрастом отличалась встреча бригады на фронте: стоявший в Езерне бельгийский бронедивизион встретил ее очень благожелательно, а русские части – «с иронией, а то и со злостью». Командиры соседних частей предупреждали командира бригады полковника В.П. Троянова, что русские полки ненадежны и вот-вот могут дезертировать [12; с. 400].

29 июня 1917 г. бригада вышла на позиции. Первое впечатление от них было тягостным: огневые точки практически не оборудованы, окопы широкие, глубиной всего лишь по колено и заросшие травой, землянок мало. Сдавший позицию 13-й финский полк оставил в наследство всего восемь пулеметов, причем все они были неисправны и системы «Максим», с которой раньше чешским пулеметчикам дела иметь не приходилось. Б. Оплетал вспоминал, что приходилось прямо в окопах

учиться разбирать и собирать их, а ночью – пристреливать по позициям противника [10; s. 74]. И все же ощущение надвигающегося крупного события не оставяло офицеров и солдат бригады. «Сам Зборов виден не был: видимость составляла всего 2–3 километра, сильно мешали сплошные линии окопов и траншей. И все же со времен гуситов никто, нигде и никогда не видел столько вооруженных чехов, собравшихся вместе», – такой суховатой и одновременно патетической фразой начал соответствующую главу своих мемуаров Л. Свобода [12; s. 390].

30 июня бригада получила боевое задание. В предстоящем наступлении 49-й армейский корпус генерала Селивачева, считавшийся неплохой частью, но далеко не образцовой, решено было использовать для отвлекающего маневра (мнение, что А.А. Брусилов все же хотел использовать корпус на направлении главного удара, другими источниками не подтверждается) [9; s. 93]. Командующий фронтом генерал Л.Г. Корнилов и командир 11-й армии генерал И.Г. Эрдели поставили ему не самую сложную задачу: атаковать и захватить гору Могила в двух километрах западнее Зборова (на русских картах она обозначалась как «высота 391» [12; s. 402], на австрийских – «высота 394» [3; s. 62]). Основные действия должны были выполнить 4-я финская дивизия, расположенная правее позиций Чешской бригады, и 6-я финская дивизия, обосновавшаяся на ее левом фланге. Резерв корпуса составляла 82-я пехотная дивизия.

По злой иронии судьбы чехи находились в этот момент по обе стороны фронта, причем ясных свидетельств тому, были ли они об этом осведомлены к моменту начала боя, нет. 49-му армейскому корпусу русской армии противостоял 9-й армейский корпус генерала Э. Клеттер фон Громника (тоже, кстати, имевшего чешские корни). На участке Чешской бригады расположились 35-й Пльзеньский и 75-й Индржихоградский чешские полки из 19-й пехотной дивизии генерала Э. Бельцта (еще один чех-генерал австрийской армии) и 86-й гонведский полк 32-й венгерской пехотной дивизии. Из 12,5 тыс. человек в окопах по ту сторону линии фронта чехов была едва ли не половина – 61% состава 35-го полка и 82% состава 75-го полка [5; s. 35]. «Вечерами в окопах пели одни песни», – замечал Л. Свобода. Только один из исследователей сюжета утверждает, что австрийцы знали, кто перед ними, но делает оговорку – офицер-чех из 86-го полка

майор Новотны услышал родной язык в ночь на 2 июля, и неизвестно, доложил он об этом начальству до начала боя, и сочло ли необходимым начальство сообщать об этом чешским солдатам австрийской армии [8; s. 95]. Такая информация вполне могла деморализовать последних еще до сражения.

1 июля 1917 г. в 9 часов утра 1-й гвардейский корпус прорвал фронт в районе Березан. Летнее наступление русской армии началось.

Первый день июля на участке фронта, занятом 49-м корпусом, прошел в сравнительно вялой артиллерийской перестрелке, но Чешская бригада запомнила его надолго. Плохо оборудованные окопы не спасали от австрийской шрапнели. Командир 6-й роты 1-го полка подпоручик И. Вилимек был убит на месте, командир 8-й роты прапорщик Я. Сыровы серьезно ранен – он потерял правый глаз.

Под артиллерийским огнем австрийцев тем временем рождался план боя, вписавшего Чешскую бригаду в историю. Командиры 1-го и 2-го батальонов 1-го полка подпоручики С. Чечек и О. Гусак, младшие офицеры и непрофессиональные военные, сделали то, что полагалось делать их профессиональным, но пассивно созерцавшим происходящее русским командирам. Гусак, до войны живший в этих краях, нарисовал диспозицию, Чечек придумал основу для тактического маневра. Штыковому бою Чешскую бригаду не учили, поэтому решено было без всяких теоретических изысков действовать так, как привыкли солдаты и младшие командиры бригады – малыми группами по 8–10 человек, сделав ставку на быстроту передвижения и инициативу унтер-офицеров. Примечательно, что четкий план действий был только у 1-го полка, где Гусак и Чечек сформулировали его без приказа сверху. 2-й полк имел единственное указание – ориентироваться на 1-й и поддерживать его действия, а расположенные в тылу позиции два батальона новобранцев не имели вообще никаких инструкций [5; s. 38].

Позиции для прорыва были оборудованы на правом фланге дислокации бригады, там, где стояли два батальона 1-го полка. Оптимистично настроенные и полные энтузиазма чехи тут же придумали им, казалось бы, абсолютно невоенные названия – участок для 1-го батальона Чечека получил наименование «Катя», участок для 2-го батальона Гусака нарекли «Марусей». Левый фланг бригады, вообще исключенный командованием из плана наступле-

ния, составляли три батальона 2-го полка, которыми командовали штабс-капитаны Гайда и Дьяконов и поручик Дембский, соответственно. Артиллерией бригады руководил поручик И. Каргер, пулеметной командой – подпоручик В. Лужа. 3-й батальон первого полка и новобранцы, как уже было отмечено, находились в резерве бригады [8; s. 94]. Все было готово к бою. Солдаты снимали с фуражек красно-белые национальные ленточки и жгли письма из дома – попасть в плен с таким набором опознавательных знаков означало расстрел на месте.

В 5.15 утра 2 июля 1917 г. артиллерия 49-го армейского корпуса начала артиллерийскую подготовку, длившуюся три с половиной часа. В 8.50 финские дивизии поднялись из окопов. Бой за гору Могила начался.

Атака финских дивизий захлебнулась сразу – то ли она была плохо подготовлена, то ли солдаты не горели желанием идти вперед. Только когда исход дневного боя стал ясен, финские части активизировались. В любом случае, участники боя вспоминали, что «финны нашу атаку поддерживали, но очень нерешительно – по нашим флангам постоянно бил неприятель» [12; s. 404].

В 9.07 началась атака 1-го батальона Чечка. Каждая из четырех рот бросила вперед свои ударные группы – по 16 человек, вооруженных десятью ручными гранатами и двумя 5-фунтовыми фугасами для прорыва проволочных заграждений противника каждый. Командовал этой самоубийственной атакой унтер-офицер Секанина, а после его гибели – унтер-офицер Мусилек. Эффект от этого экспромта получился поразительный – первая линия окопов была занята за восемь минут! Все вышло так быстро, что русская артиллерия даже не успела перенести огонь вглубь позиций противника и какое-то время была по своим. Солдат с красной ракетой (сигнал о переносе огня) погиб, так что разобратся, что произошло, смогли не сразу. Командиру 4-й роты 21-летнему прапорщику К. Кутльвашру (самый молодой офицер в Чешской бригаде, будущий генерал Чехословацкой армии) врезалось в память фантастическое зрелище закрывшего солнце пыльного облака, созданного землей, оседающей после непрерывных разрывов своих и неприятельских снарядов. Он видел труп своего брата Франтишека, погибшего в первых рядах. Он и командир 2-й роты прапорщик К. Вшатко (офицер немислимой храбрости – обладатель са-

мого большого числа Георгиевских наград во всей русской армии в целом!) собственноручно подавили гранатами неприятельский пулемет и добрался, наконец, до потерянной сумки с ракетами. В 9.30 сигнал был подан, и из окопов на участке «Маруся» поднялся 2-й батальон. Его командир подпоручик Гусак был почти тут же тяжело ранен, и атаку возглавил командир 1-й роты батальона подпоручик Й. Мюллер [5; s. 41].

Неожиданно атакующие части получили помощь – 2-й полк двинулся на выручку 1-му. Командир полка подполковник Д.Н. Зембалеvский, как утверждают одни источники, растерялся [5; s. 47], как утверждают другие – был просто мертвецки пьян и не способен командовать [4; s. 23]. Наступление 2-го полка, которое возглавил командир 1-го батальона штабс-капитан Р. Гайда, велось либо без приказа, либо вообще вопреки ему. Тем не менее, полку повезло – к 10.00 практически без потерь он также взял на своем участке первую линию австрийских окопов. Появились первые пленные. Прапорщик М. Немец вспоминал, как с удивлением увидел в первых рядах атакующего 1-го батальона повара Конечного, тащившего тяжелый ящик с патронами. «А кто готовить будет?» – пытался он остановить осмелевшего хозяина кухни. «Сегодня для нас приготовят на той стороне фронта, брат прапорщик», – отшутился, как казалось, повар. Он не просто оказался прав (только 1-й батальон захватил в плен 14 офицеров и 800 солдат, а также австрийскую полковую кухню) – он своими руками взял в плен своего собственного сына [9; s. 77]. Солдат Я. Загорик пленил своего родного брата – война преподносила один сюрприз за другим [12; s. 404].

В 11.00 1-й полк продолжил наступление на австрийские позиции в направлении горы Могила под сильным пулеметным огнем. Спустя час почтовый голубь принес в штаб австрийского 9-го армейского корпуса донесение капитана Шредера: «Русские взяли высоту 394». Оборона австрийцев тем самым была разорвана пополам. В районе деревни Зарудье Чечек вклинился уже в третью линию окопов противника, оставляя Могилу у себя в тылу. На левом фланге Гайда со 2-м полком обошел Цецово и тоже добрался до третьей линии окопов. Около 15.00 бой закончился и почти тут же хлынул проливной дождь. За шесть часов бригада углубилась в оборону противника более чем на четыре километра, в одиночку выполнив задачу, поставленную перед всем 49-м армейским

корпусом. Только на последнем этапе боя русское командование двинуло на помощь чехам из резерва 82-ю стрелковую дивизию [3; s. 64].

Прорыв фронта открывал русским войскам дорогу на Львов. Резервов на этом участке фронта у австрийцев и немцев не было. Использован успех Чешской бригады не был – командование фронта и 11-й армии просто не ожидало его. Русские резервы остались слишком далеко от места прорыва.

Победа обошлась Чешской бригаде дешево. 167 человек было убито, 17 смертельно ранено, 11 пропало без вести. Погибли шесть офицеров – подпоручик И. Вилимек и прапорщики Й. Досталь, Ф. Голуб, Ф. Рейзингер, В. Кашпар и Э. Подмоль [7; s. 127]. Число раненых оценивалось числом от 700 [1; с. 91] до 880 [3; s. 65] или даже до 1040 [5; s. 43]. Жертвы австрийского 9-го армейского корпуса были огромны: 35-й полк потерял 1 350 человек убитыми и ранеными, 75-й – 2 070, 86-й венгерский – 363. В плен сдались 62 офицера и 3 150 солдат [5; s. 61]. Наиболее поразительным парадоксом представляется то, что до конца боя австрийские солдаты и офицеры не понимали, кто перед ними. Поручик В. Краузе из 75-го полка утверждал, что слышал от наступающего противника команды на немецком языке, другой офицер того же полка – на польском. Кому-то привиделись гвардейские мундиры и какие-то красные нашивки на левых рукавах. Солдат-венгр из 86-го полка договорился до фантастического предположения – черкесы! Хотя причины такого вывода понятны: у многих чешских солдат, по-прежнему носивших зимнюю форму, на головах были папахи, а, кроме того, в австрийской армии присутствовал иррациональный страх перед дикими кавказцами (может быть, это также одна из причин того, что 9-й армейский корпус держался достаточно стойко в течение всего боя, не желая сдаваться в плен «ужасным горцам») [5; s. 61].

Были и противоположные показания. В 35-м полку слышали, как кто-то кричал: «Не стрелять, там чехи!». Пленный лейтенант-артиллерист говорил офицерам Чешской бригады, что запретил своей батарее стрелять по чехам, но затруднился ответить, откуда он узнал, что перед ним именно чехи [8; s. 99].

О Зборовском сражении стало известно практически сразу же. Коммюнике Ставки Верховного командования от 3 июля 1917 г. гласило: «Храбрые войска 4-й финской дивизии и чехословацкой бригады взяли

сильно укрепленные неприятельские позиции на высотах к западу и юго-западу от города Зборов и села Коршилов, преодолели три ряда вражеских окопов. Неприятель отошел за р. Малый Стрип. Финская дивизия взяла 1 560 солдат и офицеров, 4 орудия, 9 пулеметов и миномет; чешская бригада – 62 офицера, 3 150 солдат, 15 орудий и много пулеметов» [5; s. 79]. Текст молниеносно попал в газеты.

Зборов приятно удивил не только чехословацкое политическое руководство. Русские военные и политические круги внезапно на фоне развала своей армии открыли для себя чешскую. 4 июля 1917 г. Верховный командующий генерал А.А. Брусилов издал приказ о немедленном разрывании Чешской бригады в 1-ю Чешскую стрелковую дивизию, создании 2-й стрелковой дивизии и формировании тем самым Чехословацкого армейского корпуса. 13 июля это решение было подтверждено и технически оформлено генерал-квартирмейстером Ставки Н.Н. Духонинным [2; с. 85]. Начальник Киевского военного округа К.М. Оберучев, настроенный достаточно резко античешски, прислал в штаб бригады телеграмму с одним-единственным словом: «Каюсь». Газета «Красное знамя» патетически восклицала: «Россия на коленях со слезами на глазах будет благодарить героев, возвративших нам надежду на спасение» [5; с. 82].

Не менее потрясены были представители Антанты. У.С. Моэм, в ту пору – кадровый разведчик английских спецслужб в России, писал: «Моя работа близко свела меня с чехами – вот чей патриотизм не перестает меня удивлять. Это страсть, столь цельная и всепоглощающая, что вытесняет все другие. На мой взгляд, эти люди, пожертвовавшие всем ради дела, должны вызывать скорее страх, чем восхищение. И ведь их не два-три фанатика среди безропотного быдла, а десятки тысяч; они жертвовали всем, что имели, – покоем, состоянием, жизнью ради независимости своей страны. Порядок у них, как в универсальном магазине, дисциплина – как в прусском полку. Большинство патриотов, которых я встречал среди соотечественников, как это ни прискорбно, рвались служить родине не без выгоды для себя, чехи же совершенно бескорыстны. Они так же не думают о выгоде, как мать не думает о выгоде, ухаживая за своим ребенком. Чех охотно соглашается на рутинную работу, когда другим предоставляют увлекательную, на мелкую должность, когда других назначают на ответственные посты. Как у

40 | всех людей, интересующихся политикой, у чехов есть и партии, и программы, но у них все подчинено одной цели – общему благу» [6; s. 30].

Наконец, не лишним представляется отметить, как отреагировали на Зборов в Австро-Венгрии. По злой иронии судьбы именно 2 июля 1917 г. новый император Австро-Венгрии Карл амнистировал арестованных в 1915–16 гг. чешских политических деятелей. Австрийская пресса была в ярости. «Grazers Tageblatt» восклицала: «Так вот каков ответ дома Либуше на великодушный поступок нашего императора!» [5; s. 55]. Ответ чешской прессы получился весьма удачным. 6 июля пражский «Venkov» иронично писал: «Но вы же сами всю войну уверяли нас, что чешских частей из военнопленных у русских нет. Откуда же они взяли целую бригаду?» [13; s. 311]. В результате военный министр генерал Чапп фон Биркенштейн, отвечая на депутатский запрос в рейхсрате, вынужден был официально признать факт существования чешских частей в русской армии и участия их в бою у Зборова. «Козлом отпущения» за происшедшее сделали командира 19-й дивизии генерала Э. Бельцта, освобожденно от командования частью.

Список литературы:

- [1] Еланский Н.П. Ярослав Гашек в революционной России (1915–20 гг.). – М.: Изд-во соц.-эк. литературы, 1960. – 214 с.
- [2] Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и военные формирования в России. 1914–1921 гг. – М.: Наука, 1965. – 393 с.
- [3] Fidler J. Zborov 1917: Malé encyklopedické slovník. – Brno: Jota, 2003. – 282 s.
- [4] Gajda R. Moje paměti. – Brno: Jota, 2008. – 334 s.
- [5] Galandauer J. 2.7.1917. Bitva u Zborova: Česká legenda. – Praha: Havran, 2002. – 154 s.
- [6] Křížek J. Němci, Lenin a čs. legie. – Praha: Vůlehrad, 1997. – 110 s.
- [7] Michl J. Legionáři a Československo. – Praha: Naše vojsko, 2009. – 332 s.
- [8] Nedorost L. Do hořkého konce. / Češi v 1. světové válce. 3 Díl. – Praha: Nakl. Libri, 2007. – 299 s.
- [9] Němec M. Návraty ke svobodě. – Praha: Naše vojsko, 1994. – 233 s.
- [10] Opletal B. Zápisky z Velké války: Anabáze hanbckého medika, 1914–1920. – Praha–Litomyšl: Paseka, 1998. – 142 s.
- [11] Pichlik K. Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend. – Praha: Svoboda, 1968. – 503 s.
- [12] Svoboda L. Cestami hřvota. T. I. – Praha: Naše vojsko, 1971. – 454 s.
- [13] Šedivý I. Češi, české země a Velká válka, 1914–1918. – Praha: Nakl. Lidové noviny, 2001. – 492 s.

Бой у Зборова таким образом стал не просто очередным сражением Великой войны – он породил воинскую часть нового типа, воюющую за национально-революционный идеал. Очень показательным представляется текст телеграммы, отправленной А.Ф. Керенскому за подписью главного героя Зборова поручика С. Чечека: «Бригада настаивает, чтобы ее считали не национальным формированием, а революционным войском, воюющим вместе с вами за идеалы свободы, равенства и братства!» [11; s. 248].

Идея национальной революции, как видим, все громче и громче звучала в устах чехословацких добровольцев. Их воинские формирования превращались из группы романтиков и идеалистов в элемент государственного генезиса будущего Чехословацкого государства. Государственной идеологии была необходима определенная мифология, на базе которой можно было бы воссоздать чешскую национальную идею. Военный эпизод – бой под Зборовом – подходил как нельзя лучше на роль важнейшего структурного элемента национальной гордости, вписывая маленький эпизод Великой войны в общеевропейский контекст.